
Письмо I.

Просвѣщенный и глубокочтимый

Лавель Васильевичъ!

Не имѣлъ чести встрѣчать и видѣть Васъ лично, но достаточно знакомъ съ Вами по Вашимъ статьямъ и трудамъ, печатавшимся въ Православно-русскомъ словѣ, Церковномъ Голосѣ, Богословскомъ вѣстникѣ и Христіанскомъ чтеніи. При чтеніи Вашихъ статей я всегда испытывалъ великое духовное утѣшеніе. Съ этой стороны имя Ваше для меня глубоко почтительно. Тѣмъ болѣе для меня была неожиданной замѣтка „духовенство и преподаватели“, подписанная Вашими инициалами и написанная *non sine ira*.

Не откажите въ благосклонномъ Вашемъ вниманіи, благоволите выслушать то, что подскажетъ мнѣ мой долгъ, какъ

недостойнаго носителя полномочій епархіального духовенства, и что я долженъ сказать по поводу Вашей статьи „духовенство и преподаватели“.

Значительная часть Вашей статьи отводится выясненію того положенія, что служеніе преподавателя сопряжено съ большимъ трудомъ, требуетъ усиленной подготовки и даетъ преподавателю скудное содержаніе.

И трудность преподавательскаго служенія, и мало-обезпеченность его духовенству весьма хорошо извѣстны.

Возможно также, что профессіи пристава, исправника, машиниста и приказчика большого магазина, о которыхъ Вы говорите въ замѣткѣ, лучше обезпечены, чѣмъ преподавателя семинаріи. Но повинно-ли духовенство въ отмѣчаемомъ Вами порядкѣ вещей? Если при установленіи штатовъ и назначеніи преподавательскихъ окладовъ сами преподаватели, «цѣлою головою стоящіе выше сельскихъ священниковъ, своихъ товарищей, лучшіе изъ лучшихъ, отборные изъ отборнѣйшихъ, по Вашему собственному увѣренію считались людьми маленькими»,—если даже всесильный Побѣдоносцевъ встрѣчалъ непреодолимыя препятствія, оказался безсильнымъ въ дѣлѣ обезпеченія чиновъ православнаго вѣдомства, то что-же можно было ждать отъ духовенства униженнаго, всѣми укоряемаго? Изъ Вашихъ словъ, Павелъ Васильевичъ, ясно, что назначеніе преподавательскихъ окладовъ—отъ свѣтскаго правительства, а не отъ духовенства. Это-то свѣтское правительство, а не духовенство, повинно въ назначеніи ограниченныхъ окладовъ.

Перехожу теперь къ тѣмъ условіямъ, той обстановкѣ, при которыхъ съѣздомъ разсматривался вопросъ объ увеличеніи квартирнаго пособія г.г. преподавателямъ семинаріи. Съѣзду о.о. депутатовъ предложено было около сотни вопросовъ. Изъ общаго числа вопросовъ 40 вопросовъ чисто денежнаго характера—объ изысканіи необходимыхъ средствъ: по общеепархіальнымъ учрежденіямъ --26 вопросовъ и по просьбамъ отдѣльныхъ,

частныхъ лицъ—14 вопросовъ. Предварительно разсмотрѣнія денежныхъ вопросовъ, непосредственно по прочтеніи перечня денежныхъ вопросовъ, первой задачей съѣзда было обозначить, указать источники средствъ для погашенія общепархіальныхъ нуждъ. Такимъ источникомъ могли быть: взносы отъ церквей, личные взносы изъ средствъ духовенства епархіи, отчисленія изъ прибылей свѣчнаго завода и чрезвычайный способъ—покрытіе нуждъ епархіи—путемъ займа.

Всякому извѣстно, что взносы отъ церквей возрасли до угрожающихъ размѣровъ. По сей причинѣ Съѣзду приходится рѣшать вопросъ не объ обложеніи церквей новыми взносами, а о погашеніи числящихся долговъ за церквами, не—несущими взносовъ на епархіальныя нужды. Итакъ надежда на первый источникъ не улыбалась съѣзду. На предложеніе объ увеличеніи личныхъ взносовъ отозвались 3 4-ре о.о. депутата. Всѣ прочіе члены съѣзда не имѣли полномочій отъ своихъ округовъ на увеличеніе личныхъ взносовъ, по причинѣ крайней скудости средствъ духовенства. Прибыли отъ операций епархіальнаго свѣчнаго завода давно были распредѣлены на нужды разныхъ учрежденій епархіи, на очереди стояло позаимствованіе оборотнаго капитала завода. Представлялся возможнымъ четвертый источникъ—заемъ денегъ—чрезвычайный и въ тоже время единственный. При такихъ-то условіяхъ съѣзду пришлось рѣшать денежные вопросы, а денегъ требовалось свыше 150 тысячъ. Самымъ важнымъ, напряженнымъ, нетерпящимъ малѣйшаго отлагательства и промедленія былъ вопросъ о скорѣйшей достройкѣ Маріупольскаго училища, такъ какъ съ рѣшеніемъ его связано благополучіе 630 воспитанницъ училища, дѣтей епархіальнаго духовенства. Таковъ былъ наказъ съѣзду о.о. депутатовъ отъ округовъ, пославшихъ ихъ. Извѣстно, что помѣщеніе Екатеринославскаго Епархіальнаго училища нѣкогда строилось на 200—300 человекъ. Многократно и въ разные годы помѣщеніе училища пристраивалось и надстраива-

лось до настоящего его состава. 630 воспитанницъ вмѣстѣ съ администраціей и громаднѣмъ штатѣмъ прислуги, наполняющія собою всѣ эти надстройки и пристройки—это своего рода «Кукуевка» епархіальная, въ смыслѣ полнаго несоотвѣтствія объема (вмѣстимости) зданій числу насельниковъ, при условіяхъ единственно благопріятствующихъ развитію малокровія въ дѣтяхъ и распространенію заразныхъ болѣзней. Все это духовенство видитъ своими глазами, испытываетъ на своихъ дѣтяхъ. Отсюда—вниманіе епархіальнаго духовенства направлено къ тому, что-бы поскорѣе раздѣлить питомицъ училища на два общежитія въ Екатеринославѣ и Маріуполѣ. Такимъ образомъ судьба многихъ вопросовъ по изысканіи средствъ, поставленнымъ на ряду съ неотвратимымъ вопросомъ о достройкѣ Маріупольскаго женскаго училища, при отсутствіи средствъ у духовенства, въ данное время предрѣшалась этимъ послѣднимъ, кардинальнымъ вопросомъ сѣзда. Если и для Маріупольскаго училища требовался заемъ въ 150 тысячъ, то многіе другіе вопросы отклонялись рѣшеніемъ до болѣе благопріятнаго времени. По той же причинѣ, по недостатку средствъ у духовенства—съ одной стороны и вслѣдствіе необходимости для духовенства всѣ добытыя путемъ займа средства направить на достройку Маріупольскаго училища—съ другой, сѣздъ съ большою неохотой отклонилъ—просьбу правленія Семинаріи. По той-же самой причинѣ отклонены сѣздомъ и другія ходатайства, какъ о прибавкѣ поурочной платы преподавателямъ церк.-учительской-школы, объ изысканіи средствъ на пятилѣтнія прибавки къ жалованью учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ, хотя учителя церковно-приходскихъ школъ въ худшихъ противъ преподавателей семинаріи и церковно-учительской школы условіяхъ. Обвинять духовенство при данныхъ условіяхъ въ невниманіи къ Г. г. преподавателямъ семинаріи, въ непониманіи или въ нежеланіи понять тягости преподавательской службы и, наконецъ, въ постыдномъ равнодушіи къ судьбѣ Г. г. преподавателей также справедливо, какъ судить человѣка за неисполне-

ніе порученій при томъ условіи, что ему дано много порученій, а средствъ не припасено ни на одно порученіе. Справедливѣе былъ-бы укоръ духовенству относительно тѣхъ или другихъ способъ веденія Епархіальнаго хозяйства. Несомнѣнно, что выдвигаемый жизнью и затронутый о. о. депутатами на послѣднихъ двухъ епархіальныхъ сѣздахъ вопросъ объ увеличеніи личныхъ взносовъ духовенства есть вопросъ завтрашняго дня и, по выдѣленіи части воспитанницъ изъ Екатеринослава въ Мариуполь, онъ обозначится во всей его неотвратимости предъ духовенствомъ епархіи. Сѣздъ о. о. депутатовъ въ высшей степени усердно отнесся ко всѣмъ вопросамъ, что свидѣтельствуется какъ печатными матеріалами сѣзда, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что почти ежедневно было по два собранія депутатскихъ и вечернія собранія нерѣдко оканчивались въ 12 часовъ ночи. Если сѣздъ и повиненъ въ чемъ, такъ развѣ въ томъ, что изъ множества обнаженныхъ предъ сѣздомъ нуждъ Епархіи, при неимѣннн опредѣленныхъ средствъ, ему пришлось избирать наиболѣе неотложныя и удовлетворять ихъ въ первую голову. По поводу укора сѣзду въ невнимательности и равнодушіи належитъ мнѣ нужда коснуться и состава сѣзда, который представлялъ достаточно и силъ, и умѣнья, и опыта для всесторонняго обзора предложенныхъ вопросовъ.

Большинство членовъ сѣзда, правда, «окончили только семинарію». Хорошая половина изъ нихъ облечены довѣріемъ Епархіальнаго Начальства и полномочіями духовенства: тутъ и о. о. благочинные, и о. о. наблюдатели школъ, и о. слѣдователи, и о. о. Предсѣдатели и члены отдѣленній, и о. о. законоучители гимназій и др. учебныхъ заведеній до о. о. миссіонерствующихъ включительно. Если всѣ эти лица не прошли академіи-школы, то не даромъ-же выдвинула ихъ въ первые ряды работниковъ академіи жизни: вѣдь, для дѣятельнаго участія въ жизни и отъ пастыря сельскаго требуется значительная подготовка и знанія. Но для лицъ предубѣжденныхъ противъ участниковъ сѣзда

изъ семинаристовъ необходимо упомянуть, что при рѣшеніи вопроса объ увеличеніи квартирнаго пособія г.г. преподавателямъ участвовали три члена съѣзда съ академическимъ образованіемъ, извѣстные въ епархіи своею продолжительною и плодотворною службою въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и всѣ они раздѣляли резолюцію съѣзда и ни одинъ изъ нихъ не опротестовалъ постановленія съѣзда, оставшись по данному вопросу при особомъ мнѣніи. Изъ протоколовъ съѣзда—видно, что каждый членъ располагалъ полною свободою своего взгляда и по другимъ вопросамъ о. о. депутаты оставались при личномъ мнѣніи. Солидарность вышеупомянутыхъ трехъ членовъ съѣзда, бесспорно-компетентныхъ въ оцѣнкѣ нуждъ духовно-учебныхъ заведеній, съ общимъ постановленіемъ съѣзда служить лучшимъ свидѣтельствомъ тягостнаго положенія о. о. депутатовъ при рѣшеніи трактуемаго вопроса: въ данное время, при наличныхъ условіяхъ могло быть принято лишь такое рѣшеніе. Необходимо добавить и слѣдующее. Присутствіе въ собраніи съѣзда и участіе въ рѣшеніи вопросовъ Высокоуважаемыхъ о. о. членовъ съѣзда съ академическимъ образованіемъ служить рѣшительнымъ опроверженіемъ того оскорбительнаго для съѣзда обвиненія въ цинизмѣ, которое заключено въ слѣдующихъ строкахъ замѣтки: «все просятъ да просятъ, все имъ мало да мало, все имъ давай да давай. Поучились четыре года въ академіи да и зазнались... Нужна намъ ихъ ученость. И безъ нея обойдемся» Утверждаю, что всѣ о. о. депутаты весьма уважительно относились въ собраніяхъ съѣзда къ просвѣщенной и высокопочтенной семьѣ г.г. Преподавателей Семинаріи: но откажемъ на время съѣзду въ элементарномъ нравственномъ чувствѣ и предположимъ даже, что невѣдомая злая сила настроила сердца членовъ съѣзда враждебно противъ г.г. Преподавателей. Возможна-ли все таки вложенная въ уста, такъ называемаго, «худшаго элемента» изъ членовъ съѣзда вышеприведенная рѣчь въ собраніи пастырей, возглавляемомъ тремя просвѣщенными и высокочтимы-

ми всѣмъ съѣздомъ о. о. депутатами, вышедшими изъ тойже академіи?!? Предоставляю отвѣтъ читателю.... Далѣе. Васъ, просвѣщеннѣйшій Павелъ Васильевичъ, смущаетъ то, что съѣздъ отклонилъ просьбу преподавателей и увеличилъ содержаніе г. г. Епархіальнаго наблюдателя и Миссіонера. Прежде всего, не будемъ забывать, что г. Еп. Наблюдатель уже раньше переживалъ отклоненіе его просьбы. Съѣздъ считаетъ и г. г. Преподавателей семинаріи, и г. г. Епарх. Наблюдателя и Миссіонера питомцами одной школы и работниками на одной церковно-просвѣтительной нивѣ, но при различныхъ условіяхъ. Каждый изъ г. г. Преподавателей несетъ регулярный трудъ, онъ полный распорядитель и хозяинъ своего рабочаго дня. Условія служенія г. г. Наблюдателя и Миссіонера совсѣмъ другіе: вмѣсто регулярнаго труда внезапный вызовъ, неожиданная командировка, раннее вставанье, безвременный отходъ ко сну, разрушающая здоровье ѣзда третьимъ классомъ (отравленіе табачнымъ дымомъ) и на трясскихъ деревенскихъ повозкахъ, при пользованіи сухимъ столомъ. Къ тому-же значительный расходъ на разъѣзды, на дорожный столъ, на наемъ квартиры, чрезвычайное нервное напряженіе при ревизіи школъ и во время бесѣдъ по нѣсколько часовъ подрядъ, безъ перерыва и часто послѣ бессонной ночи. Помимо расходовъ путевыхъ на столъ и квартиру, Еп. Наблюдатель и Еп. Миссіонеръ одновременно оплачиваютъ столъ и квартиру для семьи на мѣстѣ жительства послѣдней. Если Уѣздный Наблюдатель для годового обзора малой области школъ употребляетъ 2¹/₂ мѣсяца и проѣзжаетъ отъ 2000 до 2400 верстъ въ теченіе учебнаго сезона, то Еп. наблюдатель и Еп. миссіонеръ, обслуживающіе всю епархію, сдѣлаютъ и понесутъ во много и много кратъ больше. При такихъ соображеніяхъ о. о. депутаты сторонники того взгляда, что Еп. Наблюдатель и Миссіонеръ, вѣчные странники и скитальцы, обеспечены въ общемъ хуже г. г. преподавателей. Таковы были соображенія о. о. депутатовъ. Всѣ труженики Епархіи, про-

свѣтителѣ, равно дороги духовенству и всѣхъ духовенство готово и радо обезпечить, но не можетъ сдѣлать все заразъ. Грустно, Павелъ Васильевичъ, было читать объясненіе Вами отношенія духовенства къ г.г. Еп. Наблюдателю и Еп. Миссіонеру: „духовенство назначило-де пособіе симъ послѣднимъ, потому что боится ихъ“. До какихъ-же поръ, добрѣйшій Павелъ Васильевичъ, руководственнымъ началомъ въ жизни духовенства будетъ оставаться ветхозавѣтное прещеніе, гнѣвъ ближнихъ и дальнихъ и всяческіе жупелы? Неужели сладостное благовѣстіе Спасителя міра о свободѣ духа человѣческаго чрезъ познаніе свѣтзарной, вѣковѣчной и божественной истины не про пастьрей писано?? Безнадежны мы для Царствія Божія, если мы тѣмъ только и живемъ, что или «боимся» или «запугиваемъ». Простите, Павелъ Васильевичъ, но объясненіе Ваше не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если рабій страхъ Вамъ благоугодно будетъ считать движущей (а не мертвящей силой) въ неприглядной жизни духовенства, то о.о. депутатамъ нечего было долго раздумывать надъ вопросомъ объ увеличеніи квартирнаго пособія г.г. преподавателямъ семинаріи: страха ради о.о. депутаты должны были назначить пособіе преподавателямъ; въ рукахъ г.г. преподавателей судьба и участь нашихъ дѣтей и если «боязнь» предполагаетъ чувство мести или преслѣдованіе, то таковыя не невозможны и со стороны г.г. преподавателей. Извиняюсь предъ Вами, Павелъ Васильевичъ, что я изъ Вашихъ посылокъ вывелъ заключеніе. Но въ соображеніяхъ о.о. депутатовъ прираженій боязни и страха не было и не могло быть. Напротивъ, если будемъ искренними и если Вамъ благоугодно будетъ приблизиться къ точкѣ зрѣнія съѣзда на данный вопросъ, то въ назначеніи пособія Еп. Наблюдателю и Миссіонеру нельзя не видѣть и стойкость въ о.о. депутатахъ убѣжденій и полную независимость рѣшенія вопроса съѣздомъ отъ всяческихъ выгодъ и страховъ въ данной обстановкѣ, другими словами, ту культурность о.о. депутатовъ, которой Вы ихъ ли-

шаете первымъ, начальнымъ положеніемъ Вашей статьи. Увѣ-
ряю Васъ, досточтимый Павелъ Васильевичъ что замѣтка
Ваша отдаетъ гнѣвомъ писавшаго, а гнѣвъ-плохой помощникъ
въ дѣлѣ взаимопониманія людей. Отъ Вашего просвѣщеннаго
вниманія ускользнула одна важная пружина (да прощено мнѣ
будетъ такое выраженіе), двинувшая членовъ сѣзда къ тако-
му именно рѣшенію вопроса касательно г.г. Наблюдателя и Еп.
Миссіонера. Эти труженики работаютъ въ одной, такъ сказать,
полосѣ съ духовенствомъ: мы съ ними коротаемъ часы напря-
женной работы въ школѣ и миссіонерской аудиторіи, съ ними
стоимъ на одной площадкѣ III класса вагона бѣгущаго поѣзда го-
нимые табачнымъ дымомъ и отравленнымъ воздухомъ отъ не-
имовѣрнаго скопа людей въ третьемъ классѣ поѣзда. Въ поѣздѣ
коротаемъ съ ними часы утренніе и ночные. съ ними же при-
ходится духовенству дѣлать долгіе концы на деревенскихъ, не-
затѣйливыхъ повозкахъ, съ ними переживаемъ успѣхъ и неуспѣхъ
общаго дѣла, съ ними мы идемъ по одной жизненной тропѣ борьбы
съ облегающей русскій народъ тьмою. У нихъ же мы нахо-
димъ совѣтъ, отъ нихъ приходитъ къ намъ поддержка и ободреніе,
а на сихъ—зиждется—подъемъ духа и вѣра въ общее дѣло. Ихъ
жизнь и ежедневная работа, хоть и по частямъ, у насъ на ви-
ду и это обстоятельство не можетъ не оказывать воздѣйствія
на духовенство. А съ Вами, дорогой Павелъ Васильевичъ, и
вообще преподавателями намъ не дано общей точки соприко-
сновенія, сближенія въ одномъ дорогомъ намъ дѣлѣ. Вотъ то
психологическое основаніе, которое послужило лишнимъ моти-
вомъ при другихъ соображеніяхъ сѣзда въ наклонѣ рѣшенія
вопроса въ пользу г.г. Наблюдателя и Миссіонера, а не низкое
чувство боязни и страха.

Попутно нѣсколько словъ о средствахъ духовенства. Въ
отвѣтъ на сообщенныя Вами, достопочтеннѣйшій Павелъ Ва-
сильевичъ, свѣдѣнія о батюшкахъ, получающихъ въ среднемъ
до 3000 руб. съ полнымъ довольствомъ и о деревенскихъ пса-

ломщикахъ, получающихъ до 1000 рублей при квартирѣ. позволю себѣ сказать, что таковыя—много преувеличены. Сельское духовенство съ земнымъ поклономъ счастливо было-бы дождать и принять лишь одну половину того, что Вами было указано. Иначе почему-бы и академикамъ не пойти во священники на окладъ «3000 руб., на привольную и дешевую деревенскую жизнь съ завидной перспективой вести хозяйство собственное и питаться чистыми собственныхъ рукъ продуктами»? Однако же, академики предпочитаютъ жить на 800—1000 руб. при условіяхъ дорогой городской жизни и питаться базарными продуктами, въ ущербъ здоровью своему. О расположеніяхъ г.г. академиковъ къ усладамъ обезпеченной, здоровой питаніемъ и привольной сельской жизни епархія не слыхала до сихъ поръ. Немногіе изъ академиковъ идутъ священниками въ города и тамъ цѣною труда, множествомъ уроковъ по училищамъ добываютъ себѣ отъ 3000 до 4000 руб. въ годъ, при условіяхъ городской жизни и при годовой платѣ за квартиру до 800 руб., аренды. Это голосъ и цифры подлинной жизни. Чѣмъ другимъ какъ не необезпеченностію духовенства объяснить то явленіе, что и «неудачники изъ духовнаго юношества» не хотятъ идти на замѣщеніе пустующихъ, привольныхъ сельскихъ священническихъ мѣстъ. А вотъ еще нѣчто поучительное отъ жизни. Псаломщикъ Лидіевскаго рудника, прихода не совсѣмъ изъ плохихъ, получаетъ отъ конторы ежемѣсячнаго жалованья 25 р. и по братской кружкѣ 4—5 р. дохода въ мѣсяцъ и, при 5 дѣтяхъ нуждается въ кускѣ хлѣба. Послѣ того какъ контора рудника отказала псаломщику въ перепискѣ бумагъ—побочномъ доходѣ, псаломщикъ проситъ ходатайства о. благочиннаго предъ Его Преосвященствомъ о разрѣшеніи псаломщику спускаться въ буденные дни въ шахту на выработку угля, для добыванія необходимыхъ къ жизни средствъ. Правда, есть единичные приходы, выходящіе изъ круга обыденныхъ, то не всякое лыко—въ строку. Есть и священники обезпеченные—„маленькіе помѣщики“, но средства

ихъ не отъ пастырства: намеки на источники такихъ средствъ сокрыты въ семейной хроникѣ владѣльцевъ или въ побочныхъ, не—пастырскихъ занятіяхъ. По выдѣленіи-же изъ состава сельскихъ священниковъ всѣхъ вышеупомянутыхъ удачниковъ въ стяжаніи средствъ, во главѣ съ крезомъ -батюшкой, дарящимъ дочь десяткомъ тысячъ,—останутся подлинныя сельскіе священники и псаломщики, для которыхъ половинный размѣръ указаннаго въ замѣткѣ средняго полученія священникомъ и псаломщикомъ (смотри стр. 745 Епар. Вѣд. № 31-й) является въ настоящее время сладостной мечтой заманчиваго и далекаго будущаго.

Еще слово о Горловкѣ и Юзовкѣ, въ которыхъ батюшки обезпечены лучше, чѣмъ членъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ, Мнѣ неизвѣстно, каково обезпеченіе г.г. членовъ учебнаго комитета, а потому я лишень возможности сдѣлать сравненіе. Однако-же утверждаю, что каждый изъ священниковъ мѣстечка Юзовки съ великою радостью уступилъ бы свое приходское обезпеченіе члену учебнаго комитета, если бы ему было даровано право занять мѣсто послѣдняго. И вотъ почему я такъ думаю. Въ теченіе 7—9 лѣтъ послѣднихъ отъ пресловутаго «обезпеченія м. Юзовки» сбѣжали изъ Юзовки въ села три псаломщика приходскіе и сдѣлали это по причинѣ неимовѣрно тяжелыхъ условій службы и всѣмъ извѣстной дороговизны жизни въ м. Юзовкѣ. Изъ трехъ наличныхъ священниковъ два по два раза утруждали Епархіальное Начальство просьбами о переводѣ, а третій—шесть разъ. Горловка еще не такъ давно манила г.г. академиковъ перспективой вполне обезпеченной и завидной жизни. Но Горловкѣ пришлось снисходительно принять зауряднаго семинариста. Видно не все такъ обстоитъ въ Юзовкѣ и Горловкѣ, какъ говорятъ и пишутъ и какъ кому кажется изъ прекраснаго далека.

Заканчиваю мой отвѣтъ и не могу не увѣрить Васъ, добрѣйшій Павелъ Васильевичъ, что цѣль Вашей замѣтки едва-

ли достигнута. Въ концѣ Вашей статьи Вы обмолвились такими словами: «пишу не съ тѣмъ, что-бы расположить духовенство... такъ-какъ рѣжущая правда раздражаетъ людей. Я убѣжденъ, что въ глубинѣ души батюшки согласятся со мною». Какъ жаль, что Вы, Павелъ Васильевичъ, не взяли за Ваше бойкое перо съ другой совершенно цѣлью, именно съ тою цѣлью, чтобы расположить, убѣдить духовенство, приблизить, придвинуть послѣднее къ линіи взаимопониманія. Вы достигли бы намѣченной Вами цѣли, Вы успѣли-бы многое сдѣлать, положивши въ основу статьи Вашей непобѣдимое оружіе безусловной всеозаряющей Христовой правды. Только эта правда, уважающая убѣжденія и личность всѣхъ людей, могущественнѣе зла и всесильна привести не только къ соглашенію, но и къ глубочайшему раскаянію. Вы же отказались отъ «непобѣдимаго оружія». И понадѣялись на «рѣжущую правду». А рѣжущая глаза, условная правда, ходячее оружіе политической борьбы, всегда дышетъ раздраженіемъ и враждою и, раздражая другихъ, бессильна убѣдить кого-либо: рѣжущая правда можетъ обезоружить противника, распять его, но нисколько не поколеблетъ идей и убѣжденій, никогда и никого не приведетъ къ соглашенію, тѣмъ болѣе—къ раскаянію.

Священникъ *Іоаннъ Трухмановъ.*

Письмо II.

Ваше Высокоблагословеніе,

Честнѣйшій Отецъ Іоаннъ!

Отвѣтъ на большинство Вашихъ укоровъ, заключающихся въ Вашемъ открытомъ письмѣ ко мнѣ, содержится уже въ двухъ предшествующихъ моихъ статьяхъ, особенно же въ послѣдней, написанной по поводу замѣтки священника Коханова. По существу дѣла и въ цѣляхъ выясненія истины я не счи-

талъ бы даже себя обязаннымъ опровергать Ваши взгляды: мною уже достаточно сказано по обсуждаемому вопросу, а чего не договорилъ я, то сказали за меня мои неожиданные союзники, священники Щеголевъ, Незабудько и П. Но въ виду Вашего выдающагося положенія на послѣднемъ сѣздѣ, какъ «носителя полномочій епархіальнаго духовенства», а также принимая во вниманіе вполне корректный, пастырски достойный и, повидимому, искренній тонъ Вашего письма, я считаю долгомъ на него отвѣтить Вамъ и въ Вашемъ лицѣ всему Екатеринбургскому духовенству, которое оказалось бы съ Вами солидарно.

Въ назначеніи преподавателямъ ограниченныхъ окладовъ со стороны правительства духовенство, разумѣется, неповинно. Но я въ своей статьѣ обвинялъ его не въ этомъ, а въ непониманіи имъ полнѣйшаго несоотвѣтствія получаемаго семинарскими наставниками содержанія съ трудностью ихъ служенія, съ одной стороны, условіями современной жизни—съ другой (Е. Е. В. № 31, стр. 755). А справедливость этого обвиненія до сихъ поръ не опровергнута. Наоборотъ, она еще болѣе подтверждается Вашимъ письмомъ ко мнѣ. Если бы духовенство дѣйствительно входило въ положеніе преподавателей и цѣнило ихъ трудъ, то оно не стало бы отодвигать вопросъ объ увеличеніи имъ квартирнаго пособія на задній планъ, а признало бы нужду ихъ „неотложной“ нуждой и удовлетворило бы ее „въ первую голову“

„Повинно-ли духовенство въ такомъ порядкѣ вещей“? Этотъ Вашъ вопросъ, въ связи съ послѣдующими разсужденіями, еще разъ убѣждаетъ меня въ справедливости той психологіи, какую я предполагалъ въ духовенствѣ въ своей первой статьѣ, когда говорилъ какъ бы отъ его лица: «намъ же до васъ нѣтъ никакого дѣла. У насъ есть свои собственные сословныя нужды, болѣе близко насъ касающіяся». Но представьте себѣ, о. Іоаннъ, что на подобную же точку зрѣнія стали бы Ваши прихожане по отношенію къ Вамъ самимъ и Вашимъ

сопастырямъ. Указывая на то, что вы получаете жалованіе отъ казны, триста рублей въ годъ, они вовсе перестали бы платить Вамъ за требы. На Ваше же разъясненіе, что эта сумма совершенно не соотвѣтствуетъ ни количеству и качеству Вашего труда, ни условіямъ современной жизни, что на нее нельзя жить сколько нибудь прилично, воспитывать дѣтей и т. д. они бы Вамъ отвѣтили: «это насъ не касается. Пусть заботится о Васъ начальство, а оно не хочетъ, такъ мы тѣмъ болѣе не станемъ» Я сомнѣваюсь, чтобы такое разсужденіе показалось Вамъ убѣдительнымъ и произвело на Васъ благопріятное впечатлѣніе.

Ваши пастырскіе труды нужны прежде всего для Вашихъ прихожанъ: естественно, что на нихъ лежитъ и обязанность Вашего вознагражденія. Точно также трудъ семинарскихъ наставниковъ нуженъ для Васъ и Вашихъ дѣтей. Если Вы этого не оспариваете, то согласитесь и съ тѣмъ, что Вы именно должны позаботиться объ ихъ надлежащемъ матеріальномъ обезпеченіи и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ меньше заботится о немъ государство. Духовенство тогда только могло бы быть нравственно покойно, когда бы довело — получаемое преподавателями содержаніе до той суммы, какая, по его мнѣнію, была бы вполне достаточною мздою за ихъ трудъ, и при которой они могли бы жить безбѣдно *при нормальномъ количествѣ уроковъ*.

Правда, преподаватели обязаны и, конечно, будутъ исполнять свой долгъ, хотя бы духовенство и не оказывало имъ матеріальной поддержки. Но вѣдь точно также обязаны и Вы, пастыри, исправлять требы для Вашихъ прихожанъ, хотя бы послѣдніе и отказались вознаграждать Васъ за Вашъ трудъ. Ваши пасомые къ Вамъ и Вы къ преподавателямъ съ разсматриваемой точки зрѣнія находитесь въ одинаковомъ отношеніи. О юридическихъ правахъ и обязанностяхъ ни тамъ, ни здѣсь не можетъ быть и рѣчи, нравственныя же обязанности въ обоихъ этихъ случаяхъ совершенно одинаковы.

Вы утверждаете (и это центральная мысль всего Вашего

письма), что послѣдній епархіальный сѣздъ отклонилъ просьбу правленія семинаріи о возстановленіи квартирнаго пособія преподавателямъ въ прежнемъ размѣрѣ «по недостатку средствъ у духовенства—съ одной стороны и вслѣдствіе необходимости для духовенства всѣ добытыя путемъ займа средства направить на достройку Мариупольскаго училища—съ другой». Отсюда Вы дѣлаете выводъ, что мои обвиненія духовенства въ некультурности, неблагодарности, непониманіи нуждъ преподавателей и равнодушіи лишены всякаго основанія.

Но вѣдь прежде всего въ своихъ сужденіяхъ о Екатеринославскомъ духовенствѣ я руководствовался постановленіями не одного только послѣдняго епархіального сѣзда, но и всѣхъ предшествующихъ, начиная съ 1895-го года. Корпорация преподавателей встрѣчала отказъ въ своихъ нуждахъ еще тогда, когда средства были, и когда вопросъ о постройкѣ второго женскаго училища даже и не поднимался. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ сѣздамъ, имѣвшимъ мѣсто до 1904 года, мои обвиненія могутъ быть признаны справедливыми въ полной мѣрѣ: духовенство располагало полумилліономъ денегъ (каковая сумма потребовалась для постройки Мариупольскаго училища) и все же отказывало своимъ учителямъ въ сотняхъ рублей. Но и отношеніе къ преподавателямъ послѣдующихъ сѣздовъ нельзя признать безукоризненнымъ. Такъ одинъ изъ нихъ уменьшилъ квартирное пособіе семинарскихъ наставникамъ на 90 рублей въ годъ. А между тѣмъ тогда нельзя еще было предвидѣть того, что Мариупольское училище потребуетъ дополнительной стотысячной ассигновки. Ассигновка эта была, однако же, впоследствии сдѣлана. Средства нашлись. Такъ почему же на находилось ихъ на удовлетвореніе нуждъ преподавателей. Очевидно потому, что эти нужды недостаточно духовенствомъ сознавались, и что оно считало ихъ не *своимъ*, а *чужимъ* и далекимъ дѣломъ. А именно на это то и указывалъ я въ своей статьѣ.

Наконецъ, что касается послѣдняго епархіального сѣзда, то соображенія, приводимыя Вами въ доказательство того, что «въ данное время при наличныхъ условіяхъ имъ могло быть принято лишь такое рѣшеніе,» то они могутъ имѣть значеніе смягчающихъ вину обстоятельствъ, но не уничтожающихъ ея.

Въ необходимости скорѣйшей достройки Мариупольскаго училища я не сомнѣваюсь. Но, какъ мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ многихъ лицъ, и какъ это видно изъ количества денегъ, затраченнаго на новое зданіе, послѣднее претендуетъ не только на удовлетвореніе насущныхъ нуждъ, вызываемыхъ соображеніями педагогическаго и санитарно-гигіеническаго характера, но и на извѣстную роскошь. Я увѣренъ, что ту небольшую сумму, какая требовалась для исполненія просьбы правленія семинаріи, можно было бы, при желаніи, выгадать на однихъ только скобяныхъ товарахъ и орнаментахъ училища, купивъ первые чуть чуть подешевле, а вторые сдѣлавъ немножко попроще. А то духовенство, затрачивающее полмилліона на постройку корпуса для своихъ дочерей и въ тоже время оказывающее преподавателямъ въ 90 рублевой прибавкѣ, становится весьма похожимъ на человѣка, который не помогаетъ учащемуся брату подѣ предлогомъ отсутствія средствъ, а для себя самого покупаетъ дорогія вина и золотыя вещи, не находитъ денегъ для выписки полезныхъ книгъ и журналовъ и устраиваетъ всевозможные вечера и обѣды, отказывается въ копейкѣ нищему, а самъ пріобрѣтаетъ для дома дорогую мебель и ненужныя бездѣлушки.

Нѣтъ средствъ! Но представьте себѣ, отецъ Іоаннъ, что и ассигнованной послѣднимъ сѣздомъ на достройку Мариупольскаго училища суммы не хватитъ, что предъ духовенствомъ будетъ стоять такая альтернатива: или оставить зданіе недостроеннымъ на неопредѣленное время или же изыскать для его окончательной отдѣлки еще нѣсколько тысячъ. Какъ вы думаете, найдутся-ли въ такомъ случаѣ средства? Конечно найдутся.

А почему? Да потому, что скорѣе окончить училищный корпусъ, по мнѣнію духовенства, дѣйствительно нужно, въ этомъ оно кровно заинтересовано, это касается его лично. Къ судьбѣ же преподавателей, какъ бы они ни были обижены и какую бы ни терпѣли нужду, оно слишкомъ холодно и безучастно. Отсюда обычная отговорка: «нѣтъ средствъ»!

«На предложеніе объ увеличеніи личныхъ взносовъ отозвалось 3—4-е о. о. депутата. Всѣ прочіе члены сѣзда не имѣли полномочій отъ своихъ округовъ на увеличеніе личныхъ взносовъ, по причинѣ крайней скудости средствъ духовенства».

Въ своей предшествующей статьѣ я указывалъ другую причину, по которой Екатеринославское духовенство такъ неохотно отзывается на предложенія объ увеличеніи личныхъ взносовъ. При томъ же убѣжденіи я остаюсь и теперь. Утверждая, что Екатеринославскіе батюшки въ среднемъ получаютъ отъ двухъ до трехъ тысячъ годового дохода (а не «три тысячи»—вы допускаете въ своемъ письмѣ маленькую неточность), я основывался частію на официальныхъ данныхъ, частію же на многочисленныхъ свидѣтельствахъ, которыя мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ самыхъ разнообразныхъ лицъ, хорошо знающихъ жизнь епархіальнаго духовенства. Но особенно характерны и убѣдительны въ этомъ отношеніи печатныя заявленія Вашихъ же сопастырей, которыя я и противопоставлю Вашему завѣренію о *крайней скудости* средствъ. «Не можетъ быть, чтобы такая епархія, какъ наша, неимѣла средствъ» Свящ. Незабудько. Еп. Вѣд. № 34, стр. 846). «Трудно указать епархію, гдѣ бы духовенство было такъ прекрасно обеспечено, какъ у насъ. Большинство имѣетъ удобныя, часто роскошныя квартиры съ плюсомъ 2—3—4 т. руб. годового дохода» (Священ. Щеголевъ. *ibid.* стр. 848). «Это миѣ—нѣтъ средствъ. Средства есть» (Свящ. П. стр. 846).

Какъ на доказательство невозможности для сѣзда иного рѣшенія вопроса о квартирномъ пособіи преподавателямъ, по-

мимо того, какое было сдѣлано, Вы ссылаетесь на трехъ о. о. депутатовъ съ академическимъ образованіемъ, не опротестовавшихъ общаго постановленія сѣзда.

Но по крайней мѣрѣ одно изъ этихъ лицъ, ближе другихъ нѣкогда стоявшее къ педагогическому дѣлу, по слухамъ, энергично отстаивало интересы преподавателей. Правда, оно не осталось при особомъ мнѣніи. Но кому неизвѣстно, что особыя мнѣнія вообще пишутся крайне неохотно. Для таковыхъ нужна или личная заинтересованность или же, при отсутствіи ея, особая горячность темперамента и активность воли. Если, затѣмъ, два другихъ кандидата академіи не возвысили голоса за своихъ коллегъ по образованію, то это еще не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы они и въ глубинѣ души были согласны съ общимъ постановленіемъ сѣзда. Быть можетъ, они не сдѣлали этого вслѣдствіе скромности: имъ могло казаться, что, доказывая право преподавателей на увеличеніе квартирнаго пособія, они тѣмъ самымъ какъ бы стали подчеркивать свой высшій образовательный цензъ сравнительно съ другими о. о. депутатами. Могли, разумѣется, здѣсь имѣть мѣсто и другія причины. Въ худшемъ случаѣ можно предположить, что кандидаты богословія изъ участниковъ сѣзда не вступились за преподавателей потому же, почему вообще «сытый голоднаго не разумѣетъ. Но это предположеніе изъ всѣхъ возможныхъ я считаю менѣ всего вѣроятнымъ.

На Вашъ вопросъ: «возможна ли рѣчь, вложенная мною въ уста худшаго элемента изъ членовъ сѣзда въ собраніи пастырей»...—я отвѣчаю такъ. Въ официальномъ общемъ собраніи сѣзда она, конечно, невозможна. Ея не допустилъ бы о. председатель, противъ нея, несомнѣнно, заявили бы свой протестъ и многіе изъ о. о. депутатовъ. Но въ частныхъ разговорахъ между собою подобныя сужденія могли имѣть мѣсто*).

*) Я не говорю «имѣли», а только «могли имѣть. Поэтому то въ своей статьѣ я выразился: «доносились слухи». Справедливость этихъ слуховъ пусть остается на совѣсти тѣхъ, кто ихъ распространяетъ.

Далѣ, значительная часть Вашего письма посвящена раскрытію того положенія, что съѣздъ имѣлъ основанія удовлетворить просьбы епархіальнаго наблюдателя и епархіальнаго миссіонера, находящихся въ болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ сравнительно съ преподавателями семинаріи. Хотя съ послѣднимъ я и не вполне согласенъ,*) но все же съ своей стороны могу лишь привѣтствовать данное постановленіе съѣзда. Въ укоръ духовенству можетъ быть поставлено не то, что оно оцѣнило, наконецъ, трудъ лицъ, стоящихъ во главѣ народно-просвѣтительнаго и миссіонерскаго дѣла епархіи, а то, что оно не сдѣлало этого раньше, заставивъ епархіальнаго наблюдателя «переживать отклоненіе его просьбы» и ѣздить на площадкѣ вагона третьяго класса. Если бы духовенство и на этотъ разъ не удовлетворило его ходатайства, то еще болѣе бы себя скомпрометировало; наоборотъ, если бы довело его содержаніе до оклада, получаемаго равнымъ ему по служебному положенію директоромъ народныхъ училищъ, то этому можно было бы только порадоваться. Подъ тѣми, кого духовенство «боится», я разумѣлъ не наблюдателя и миссіонера (быть можетъ, и этихъ послѣднихъ побаивается, но не особенно много), а совсѣмъ

*) Епархіальные наблюдатель и миссіонеръ получаютъ постояннаго жалованія 2000 рублей въ годъ, а преподаватель, если онъ прослужилъ не болѣе 10 лѣтъ, за *нормальное* количество труда 990 рублей. Что же касается добавочныхъ уроковъ, особенно по предметамъ, чуждымъ его спеціальности, то таковыя являютсѣ уже *ненормальностью*, которой, собственно, не должно бы было допускать духовенство, если бы дѣйствительно было заинтересовано въ надлежащей постановкѣ учебнаго дѣла въ семинаріи. Если, положимъ, преподаватель богословія подъ давленіемъ нужды занимается ариѳметикой или русскимъ языкомъ въ женской гимназіи, то это совершенно тоже, что и спусканіе псаломщика Лидскаго рудника въ шахту для добыванія угля. Да, впрочемъ, не тоже, а нѣчто еще худшее. Псаломщикъ, занимаясь физическимъ трудомъ, оставляетъ по крайней мѣрѣ нетронутую свою душу. А преподаватель, набирающій себѣ сторонней, чуждой его склонностямъ и интересамъ работы, прямо вслушаетъ на путь умственнаго регресса. Если его мысль, привыкая вращаться въ области религіозно-догматическихъ и религіозно-этическихъ вопросовъ, вынуждена будетъ изощряться въ рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ или усвоеніи тонкостей русской этимологіи, если вмѣсто того, чтобы читать научныя пособія по своей спеціальности и слѣдить за текущей литературой предмета, онъ будетъ заниматься безграмотными дѣтскими диктовками и переложеніями, то это неизбѣжно испортитъ его собственное мышленіе, придастъ ему элементарный характеръ, станеть разстраивать привычныя научныя синтезы и ассоціаціи.

другихъ лицъ, къ дѣлу духовнаго просвѣщенія никакого отношенія не имѣющихъ, а обезпеченныхъ не хуже не только преподавателей, но и инспектора семинаріи. Для этихъ лицъ средства всегда находились. При всемъ моемъ желаніи подыскать какое нибудь другое объясненіе для этого факта, помимо «страха рабьяго», я не могу этого сдѣлать.

«Замѣтка ваша отдаетъ гнѣвомъ писавшаго, а гнѣвъ—плохой помощникъ въ дѣлѣ взаимопониманія людей.

Да, дѣйствительно, статья моя была написана въ состояніи гнѣва, гнѣва и негодованія. Но не всякій гнѣвъ заслуживаетъ порицанія. Иногда, наоборотъ, отсутствіе его свидѣтельствуетъ о той теплопрохладности, которую осуждаетъ и Слово Божіе (Апок. 3,15—16), и которая возможна лишь тогда, когда мы «къ добру и злу постыдно равнодушны». Знаю я и т., что гнѣвъ, какъ и всякое другое чувство, вплетаясь въ ходъ чисто логическихъ процессовъ мысли, производитъ односторонне тенденціозный подборъ представленій и заставляетъ иногда умъ приходить къ ложнымъ выводамъ. Но въ данномъ случаѣ такое неблагопріятное вліяніе эмоціи на мои сужденія едва ли имѣло мѣсто. Намъ, преподавателямъ, по самому роду нашего служенія, волею неволею приходится вырабатывать въ себѣ способность самообладанія, заключающуюся въ томъ, что бы не подчиняться наличному чувству и настроенію, а всегда господствовать надъ ними: въ противномъ случаѣ мы не могли бы выяснять своимъ питомцамъ различные жизненные и научные вопросы въ то время, когда душа наполнена или ощущеніемъ физической боли (что бываетъ нерѣдко) или же какимъ нибудь чисто психическимъ страданіемъ, вызываемымъ причинами личнаго и семейнаго характера. Затѣмъ, большинство моихъ сужденій, заключающихся въ моей статьѣ: «духовенство и преподаватели», много разъ уже высказывалось мною раньше, особенно по поводу постановленій двухъ предпоследнихъ епархіальныхъ съѣздовъ. Мнѣ приходилось выслушивать всевозможныя воз-

раженія, разсматривать вопросъ съ различныхъ сторонъ, принимать во вниманіе всё смягчающія вину духовенста обстоятельства,—и все же мое убѣжденіе осталось непоколебимымъ. Не поколебалось оно и теперь, хотя со времени моего перваго печатнаго выступленія по обсуждаемому вопросу прошло около двухъ мѣсяцевъ. Это было бы невозможно, если бы моя замѣтка не была мною строго продумана, а явилась результатамъ мимолетной вспышки гнѣва.

Вы увѣряете меня, что цѣль моей статьи «едвали достигнута». Къ счастью, я имѣю теперь положительныя данныя думать объ этомъ иначе. Редакціей уже напечатаны письма, авторы которыхъ заявляютъ о своей солидарности со мною и выражаютъ свой протестъ противъ отношенія о.о. депутатовъ къ нуждамъ преподавателей. Протестъ этотъ выраженъ пока лишь наиболѣе чуткими, воспріимчивыми и горячими дѣятелями на Нивѣ Христовой. Но, конечно, не они одни усумнились въ справедливости постановленій послѣдняго епархіальнаго съѣзда. «Рѣжущая правда» достигла, слѣдовательно, своей цѣли.

Чтоже касается рѣзкаго тона моей первой статьи (къ которому вообще-то я пребѣгаю въ высшей степени рѣдко-лишь въ исключительныхъ случаяхъ), то онъ объясняется условіями момента, въ который она была написана. Отказъ о. о. депутатовъ въ удовлетворенія ходатайства правленія семинаріи внесъ лишь послѣднюю каплю горечи въ чашу той обиды, кототорая накоплялась вслѣдствіе равнодушнаго отношенія духовенства въ теченіе цѣлыхъ *пятнадцати* лѣтъ. Преподаватели просили сами, за нихъ ходатайствовало правленіе, ихъ поддерживали епархіальные архіереи, они пытались «расположить, убѣдить духовенство, приблизить, придвинуть послѣднее къ линіи взаимопониманія» и въ томъ числѣ «бойкимъ перомъ»*) и чтоже получилось въ результатъ? Духовенство отняло у нихъ 90 рублей въ годъ въ то время, когда жизнь особенно вздорожала, когда педагогиче-

*) См. Екатеринбургскія Епарх. Вѣдомости за 1904 г. № № 13, 14, 15.

ское служеніе сдѣлалось необыкновенно труднымъ и когда всѣ, рѣшительно всѣ: и городовые, и дворники, и кочегары, и подмастерья получили прибавку. Примите, отецъ Іоаннъ, все это во вниманіе и согласитесь, что при данныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ тонъ моей статьи не могъ быть инымъ.

Впрочемъ, считаю долгомъ замѣтить, что своей «рѣжущей правдой» я не хотѣлъ оскорбить духовенства, а только убѣдить его, воздѣйствовать на его умъ и сердце. Происходя самъ изъ духовной среды, я въ дни моего дѣтства и юности въ средѣ окружающихъ меня лицъ священнаго сана видѣлъ лишь достойно подражаемые примѣры, на основаніи которыхъ составилъ себѣ самое высокое понятіе о духовномъ сословіи. Было время, когда всякіе нападки на него, о которыхъ мнѣ приходилось читать или слышать, меня до глубины души возмущали. И еще сравнительно недавно я выступалъ въ печати съ статьями, направленными въ защиту духовенства. Но нѣкоторые факты, которыхъ я не могъ не видѣть, поколебали мое старинное убѣжденіе, а постановленія послѣднихъ трехъ Екатеринославскихъ епархіальныхъ съѣздовъ почти его разрушили. Во мнѣ было оскорблено чувство справедливости, и я не могъ заставить себя молчать.

Павель Левитовъ.